

Й. ЛЕОНХАРД¹

¹ Фрайбургский университет, Фрайбург, Германия

СРАВНЕНИЕ, ТРАНСФЕР И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ, ИЛИ: КАК СЕГОДНЯ ПИШУТ ИСТОРИЮ ЕВРОПЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ?

Аннотация. Автор доклада рассматривает исторические концепции, признающие единство новоевропейской истории и базирующиеся на признании единства её исторического опыта. Достаточно подробно анализируются различные варианты системных подходов к европейской истории, начиная с переложения основных мотивов нарративных историй XIX века и заканчивая современными теориями гражданского общества. Автор подробно анализирует исторический опыт полиэтнических государств XIX века на примере Австро-Венгерской, Российской, Османской и Британской империй в связи с европейской историей мононациональных государств. Это приводит к утверждению, что история Европы всегда находилась где-то между решениями её внутренних и внешних вопросов. В заключение автор приводит шесть тезисов, отвечающих на основной вопрос: как же сегодня должна писаться история Европы Нового времени, преодолевая предшествующие стереотипы? Общий вывод исследования сводится к утверждению, что современное историописание Европы должно быть не только наднациональным, но и надкультурным.

Ключевые слова: историография, история Европы, системный подход к истории, исторические нарративы, Империи: Австро-Венгерская, Российская, Османская и Британская, полиэтническое и моноэтническое государство.

J. LEONCHARD¹

¹ Freiburg University, Freiburg, Germany

COMPARISON, TRANSFER AND INTERFERENCE, OR HOW THE HISTORY OF MODERN EUROPE IS BEING WRITTEN TODAY?

Abstract. Author examines the historical concepts that assume the unity of modern European history basing on the recognition of the unity of its historical experience. The whole variety of systematic approaches towards European history, starting from the transposition of the main motives of narrative history of the XIX century to the modern theories of civil society, is being scrutinized. Focusing on the historical experience of multi-ethnic states of the XIX century, such as the Austro-Hungarian, Russian, Ottoman and British empires, with with regard to the European history of the mono-ethnic state, the author concludes that European history has always been somewhere between its domestic and external solutions issues. There are six statements, the author insists, that respond to the basic question: how should the history of modern Europe be written nowadays in order to overcome previous stereotypes? The general assertion of the issue is that the modern historiography of Europe should become rather supranational and even somewhat transcultural.

Keywords: historiography, the history of Europe, a systematic approach towards history, historical narratives, Empires: Austro-Hungarian, Russian, Ottoman and British, multi-ethnic and mono-ethnic state.

I. Введение: Вопрос и его значение

«Как же сегодня пишут историю Нового времени?» – этот вопрос неслучайно напоминает мне о проблемах, с которыми столкнулись ученые в восемнадцатом веке. Вероятно, вопрос тогда стоял еще острее: «Возможно ли вообще писать историю Европы

Нового времени?». Неважно, с какой точки зрения рассматривать этот вопрос, он очень тесно связан с другими проблемами и вопросами: что же такое европейский дух? откуда он взялся? насколько его хватит? Макс Вебер сформулировал эту проблему в предисловии к своему собранию сочинений по социологии религии: «Какие события привели к тому, что именно в Западной Европе возникли такие культурные явления, которые ... определили развитие бытия?»

Этот вопрос не потерял своей актуальности и сегодня. Он четко отражает проблему идентификации и разграничения, которая всегда была вызовом для историописания как науки: что относится к Европе, вообще к Западу, а что нет? По названиям работ, посвященных вопросу роли европейского духа в Европе, как правило, можно понять исторически-политические цели их авторов. Речь идет о таких работах, как «Господство Запада», «Особый путь Европы» и т.д. Жак ле Гофф неслучайно определил цель своей работы как «Становление Европы». Такой евроцентризм, как остроумно заметил Лутц Кухенбух, имеет две крайности – болезненный евроз или восторженная евротика.

Тот, кто сегодня занимается Европой и ее историей, часто подразумевает европейское общество и европейское единство как цель процесса интеграции. Этот процесс был бы невозможен без общности ценностей, институтов и опыта (просвещение, правовое, социальное и конституционное общество), которая, в свою очередь, базируется на историческом опыте.

Основная проблема этой точки зрения состоит в напряженности между представлениями об общих культурных, социальных и политических ценностях, а также организацией наднациональных институтов для решения общих проблем и притязаниями на особенную, исторически сложившуюся самостоятельность и многообразие европейских наций и стран. Эта проблема и является основным мотивом для написания работ по истории Европы.

Исходя из вышеописанного, мой доклад будет разделен на четыре части: краткий обзор некоторых исторических концепций и функций истории Европы, который должен дать ответ на вопрос, почему же историки вообще работают над программой «История Европы». Затем будет приведен анализ систематических подходов к истории Европы. Здесь будет рассмотрена вариация исходного вопроса, который формулирует основную проблематику работ Вебера: как сегодня пишут историю Европы, которая не будет абсолютно европоцентричной, с одной стороны, и не будет рассматриваться как художественное повествование, с другой стороны. В третьей части я приведу примеры из моего исследовательского проекта по изучению нескольких полиэтнических империй (Австро-Венгрия, Россия, Османская империя, Британская империя) в девятнадцатом веке, над которым я работаю совместно с Ульрике фон Хиршхаузен. На примере этого проекта можно будет рассмотреть потенциал использования одного из подходов к истории Европы. В заключение будут сформулированы некоторые тезисы об идеальном типе европейской истории.

II. Происхождение и образование: концепции и функции европейского историописания с девятнадцатого века

В такой динамичной области, как споры о концепциях истории Европы, такие черты немецких историков, как стремление выразить свое мнение и склонность к догматическим разногласиям, как правило, выражены не так сильно. Небольшая историческая ретроспектива о концепциях и функциях европейского историописания доказывает, что определенные идеи и концепции, появившиеся достаточно давно, до сих пор оказывают влияние на историографию.

1. Европеизация всемирной истории с восемнадцатого века

Из немецких историков, работавших над этой идеей, можно выделить Фридриха Кристофа Шлоссера и Леопольда фон Ранке, который приравнял «всемирную историю Нового времени» к истории становления европейской государственности. Европа

рассматривалась как место, оказавшее определяющее значение на развитие всемирной истории. Основными мотивами в работах историков того времени были подъем европейской государственности, а также ее влияние на цивилизацию в общем и политическую ситуацию в мире. История Европы практически стала «Всемирной историей Европы» (Ганс Фрейер).

2. Поиск интегративных лейтмотивов в девятнадцатом веке

Георг Готтфрид Гервинус в своей работе «История девятнадцатого века» рассматривал историю с точки зрения ее образовательной функции. Передовые народные движения его времени служили для него признаком исторического прогресса, итогом которого должна была быть победа демократии. История Европы представлялась ему полем битвы между партикуляристами и универсалистами. В то же время Гервинус рассматривал события и за пределами Европы. Так, в третьем томе он рассматривает южноамериканские революции как «родные, республиканские революции», уходящие корнями во Францию и Северную Америку (см. Шлоссера о значении американской революции для Европы в восемнадцатом веке), а также тесно связанные с Испанией и Португалией. Это один из первых случаев «истории Европы за ее пределами».

Марксисты же в 1840-х годах, напротив, видели формирующие силы истории Европы в капиталистическом способе производства и буржуазном обществе. В то же время можно увидеть, что Фридрих Энгельс, рассматривая историю Великобритании, и Карл Маркс, анализируя историю Франции в 1848-1852 годах, видели различные пути развития общества в Европе (см. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», Маркс «18 брюмера Луи Бонапарта»).

3. Общеввропейская нарративная история с начала двадцатого века

Нарративная история унаследовала многие мотивы девятнадцатого века:

(а) Либеральный мотив прослеживается в работе по истории Европы Бенедетто Кроче, описывавшего девятнадцатый век как триумф свободы и либеральной государственности.

(б) с точки зрения историков-марксистов, история Европы – это развитие буржуазного капитализма в долгом девятнадцатом веке (от европейских революций до Первой мировой войны).

с) К этому стоит добавить эссенциалистское прославление Западной Европы в противовес универсалистскому человечеству эпохи Просвещения, часто смешанному с ностальгией по старой Европе (например, у Макса Шелера).

(d) В свете опыта двадцатого века как «эпохи крайностей», характеризующейся полярными идеологиями, в период 1917/18 годов появилось представление о том, как европейская гражданская война превратилась в мировую войну идеологий.

(e) После краха Третьего рейха стало понятно, что история Германии может играть роль всемирной истории. Из истории краха Третьего рейха был извлечен урок для истории всего мира.

(f) Вплоть до 1960-х годов история Европы в контексте всемирной истории рассматривалась как история непрерывного научного прогресса, оттеняющая контраст между прогрессивным Западом и вечно догоняющим его Востоком. История Европы все чаще рассматривалась как часть общности ценностей Запада. Это суждение сейчас переживает своеобразное перерождение в новых условиях (см. Генрих Аугуст Винклер «История Запада»).

(g) История Европы с 1970-х годов характеризуется развитием и укреплением гражданских прав (катализатором для этого послужили события 1989/1991 годов) и концепта гражданского общества.

Этот небольшой и схематичный обзор истории Европы показывает, с одной стороны, как на Европу влияли различные идеологии с их политическими и историко-политическими целями. Своей убедительностью и псевдоуникальностью многие концепты обязаны ретроспективной телеологии, то есть выстраиванию задним числом казуальных цепочек там, где на деле имело место нагромождение случайностей. Для создания подобных концептов

необходимы тем не менее значительные аналитические усилия. Альтернативные пути исторического развития, которые могут объяснить противоречивость многих исторических событий, часто остаются неизученными. В итоге история Европы часто сводится к пути особого пути Европы.

III. Систематизация и критика: концепты истории Европы – плюсы и минусы

Каким образом можно систематизировать все концепты истории Европы, которые нам известны по их аналитическим подходам?

1. История Европы как дополнение к историям отдельных государств

Классический концепт многих работ по истории Европы основывается на том, что история Европы служит лишь дополнением к не связанным между собой историям отдельных государств. Аналитика в таких работах, как правило, сводится к вступлению и заключению (в том случае, если она вообще есть). Ясность и порядок изложения связаны в этом случае со значительными трудозатратами на описательную часть в противовес аналитике.

2. Нормативно изолированная история Европы

Концепт изолированной и самодостаточной истории Европы также достаточно популярен. Существуют три пути такой историографической изоляции:

а) Европа рассматривается как цельное географическое пространство в рамках истории. Критериями для определения границ Европы служат западные, южные и северные побережья и Уральские горы на востоке. Россия и Османская империя относятся к Европе, так как их наиболее развитые области находятся в рамках вышеобозначенной территории.

б) Существование Европы определяется временными рамками от начала Вестфальской системы в середине семнадцатого века и до окончания долгого европейского девятнадцатого века в период Первой мировой войны.

в) Европа определяется как культурное сообщество, связанное общими ценностями. Этот путь подразумевает исключение из состава Европы областей к востоку от Польши, а также Турции и стран Магриба.

Минус таких концептов очевиден: прежде всего, ограниченность взглядов исследователей на взаимоотношения Европы с другими регионами. Характерное название одной из глав книги, посвященной истории Европы, звучит так: «Европа и остальной мир» (Тимоти Бланнинг, Норман Дэвис, Хаген Шульце, Михаэль Залевски).

Дискуссия о «Особом пути Европы» (название одной из работ Рольфа Петера Зиферле), «Европейском чуде» (Е.Л. Джонс) и о «Западе и остальном мире» может быть достаточно плодотворной в этом контексте. Исходной точкой может быть вопрос о благосостоянии и уровне технического развития стран Запада (а также Японии и Южной Кореи) в противовес остальным регионам, которые зачастую еще только встают на путь модернизации.

Исходным материалом для дискуссии может послужить работа Михаеля Миттерауера 2003 года о средневековых предпосылках к особому пути Европы, тема работы: «Интерпретация исторических и актуальных культурных явлений и их генеза». Несмотря на неплохо проработанные единичные явления (аграрная революция; сеньориальная власть и социальные реформы; семья и родственные связи; христианство и церковь; крестовые походы и колонизаторство), Миттерауер сталкивается с теми же проблемами, что и Макс Вебер. Он отвечает на вопрос об особом пути Европы, не выходя за ее рамки, остальной мир лишь «оттеняет» этот особый путь.

Миттерауер описывает не Запад, но возможное развитие Запада, то есть возможную историю развития предпосылок, предваряющих ход развития Европы. Анализ причинно-следственных связей, взаимодействия различных факторов между собой, ранжирование событий и предпосылок по их важности – все это отходит на задний план перед слабыми метафорами «развитие», «путь», «преимущество на старте» и т.д. Здесь мы видим типичную проблему всех работ по истории Европы: указание на некоторые важные факторы заменяет

поиск причинно-следственных связей. Такой концепт истории Европы, в принципе, не выходит за рамки концепта Вебера и соответствует уровню развития науки соответствующей эпохи, в данном случае медиевистики. Результат работы – это «контрастное частичное сравнение» (Кухенбух) без рассмотрения комплексных отношений между католическим Западом, славянско-византийским православием и исламскими регионами (например, Крестовые походы и Монгольское нашествие).

3. История Европы как «внутреннее разграничение» при помощи сравнения, трансфера, взаимовлияния

Фокус на истории отдельных государств можно преодолеть только при помощи систематических, феноменологических и секторных сравнений их историй, с учетом общих внутриевропейских событий и их взаимосвязей. Минусы и проблемы таких подходов тоже уже понятны: прежде всего, это слабость повествовательной части в противовес сильной аналитической. Интенсивно обсуждается, прежде всего, напряжение между синхронным сравнением и трансфером, статикой и динамикой повествования, его структурой и процессом. Так, сравнение, применяемое в большинстве исследований, уже подразумевает некую неявную историю взаимоотношений, трансфер, который связан либо с исследуемой эпохой, либо с представлениями самого историка. Этой проблеме, так же как и проблеме псевдоэкспериментальной статичности синхронного сравнения, можно противопоставить взаимовлияние синхронных проекций, рассматривающих трансфер как комплексный преобразовательный процесс, в намеренно долгой диахронической перспективе (ссылка на собственные исследования: Европейские сравнения и их распространение на Трансатлантический регион).

Другая проблема сравнения и взаимовлияния в истории состоит в опасности чрезмерной концентрации на отдельных взаимоотношениях и явлениях. Минусы подобного подхода, а именно неверная приоритизация точек зрения, особенно видны при двусторонних сравнениях, как, например, в немецко-французской истории Первой мировой войны Герда Крумайха и Жана-Жака Бекера.

При помощи сопоставительного сравнения историй отдельных государств можно составить матрицу исторических феноменов и лейтмотивов долгого девятнадцатого века, которые повлияли на все европейские государства в целом. Ниже приведены примеры таких феноменов:

а) Институты и организованные ими процессы: формирование государства и государственной системы, церковь и конфессии, право; Вольфганг Рейнхард ссылается здесь на государство как на единую систему административно-территориальных единиц (см. также работу Хартмута Кебле о происхождении социального государства в Европе).

б) Сочетание роста производительности и укрепления равенства граждан (Йорг Фиш).

Для того чтобы разработать концепт «внутреннего разграничения», не впадая в излишний европоцентризм, эту матрицу можно дополнить при помощи других исследований:

а) форма развития: разграничение и сочетание сближения и расхождения, единства и множественности,

б) темпорализация исторического опыта: хронологическая одновременность исторически неодновременного,

в) открытость, коммуникация и революции в коммуникации, медийная интеграция после окончания длительной религиозно-конфессиональной интеграции (см. собственный проект о истории национальных библиотек как истории национализации знаний),

г) не центр и окраина, а центры и окраины (Амстердам, Лондон, Вена, Санкт-Петербург, Париж, Берлин), девятнадцатый век как век Европы, двадцатый – как век США, СССР и смещения Европы к «Западу», двадцать первый век – век мультиполярного устройства,

е) исторические регионы как мезоуровни (см. Фернан Бродель: Средиземноморье как исторический регион; Балканы, центральная Европа или восточная Европа; двойная перспективизация на восток и запад, юг и Атлантику).

Такие анализы редко включают в себя последовательное рассмотрение ситуации за пределами Европы, но есть и комплексные работы, например указание на культурный симбиоз между Европой и Северной Америкой в работе Питера Ритбергера.

4. Преодоление европоцентричного историописания при помощи всемирной истории

За такими подходами, с точки зрения истории Европы, стоит как бы двойная провинциализация как результат критического анализа особых путей развития государств. Когда Дипеш Чакрабарти ввел определение «провинциализация Европы», он рассматривал, прежде всего, внутриевропейскую провинциализацию при помощи продуктивной деконструкции повествовательных моделей отдельных государств, например «особого пути Германии» или вигской историографии. Теперь похожие процессы происходят во всемирной истории в отношении Европы. Фоном для такой историографической переориентации служат глобализация и, как следствие, ускорение экономических и миграционных процессов.

Необходимо принимать во внимание, что истории отдельных государств и сообществ (например, Германии, Великобритании, Франции или Европы в целом) или отдельные исторические феномены не должны по умолчанию рассматриваться как имеющие некую общность, которую можно распространить на всемирную историю. Динамическое развитие приведенной здесь критики противопоставляется застою в институционализации исследовательской и учебной работы в университетах Германии. Профессора с явно проевропейским или столь же явно внеевропейским образом мыслей здесь все еще в меньшинстве.

Но как же можно связать истории европейских сообществ с другими? Возможно проведение исследований о взаимоотношениях на больших расстояниях (например, перспективы глобальных экономических отношений с фокусом на производственных и товарных цепочках) или сравнения объектов, у которых, на первый взгляд, нет никаких явных взаимоотношений.

Приведем примеры продуктивного диалога между европейским и мировым историописанием: «Город как особый исторический феномен Европы» – такое заявление будет несостоятельным, однако историческое осознание европейцами города как особенности своего развития со времен античности или идеал политически самостоятельной гражданской общины могут служить примерами особенного развития Европы:

- Палмер: Трансатлантические революции 1776-1789,
- Айзенштадт: Новая парадигма модернизации как распространение модернизации по всему миру (см. зарождение в колониальной периферии США, а не в Европе),
- глобальная жестокость и насилие со времен Семилетней войны,
- Бэйли: 1848-1870 годы: европейские революции, Сипайское восстание, Гражданская война в Америке, революции в Китае и Японии,
- Остерхаммель: национализм с 1860 года, границы между полиэтническими империями и однопациональными государствами. Здесь фигурирует тезис о выигрыше однопациональных государств от глобализации,
- Р. Бин Вонг и Патрик О'Брайен: взгляд на сравнительную историю экономики, близкий к калифорнийской школе сравнительной истории экономики. Основной тезис – «раннее евразийское Новое время» с шестнадцатого по восемнадцатый века. В это время эффективность экономик Европы и Азии отличались не сильно; резкие различия появились лишь в девятнадцатом веке: Китай как аграрная империя, следующая другой логике развития, чем индустриализированная Европа (т.е. происходит процесс деэзотизации Азии и провинциализации Европы),

- Всемирная интеллектуальная история (Доминик Заксенмайер, Маргит Пернау, восприятие исторической семантики: см. Иберийские концепты и собственные исследования).

С одной стороны, здесь мы можем увидеть (в частности, у Кристофера Бейли и Юргена Остерхаммеля) восхитительное разнообразие связей, действий, как, например, взаимодействие между национализмом и процессами глобализации, с другой стороны, в таком представлении может возникнуть своеобразная ловушка для восприятия: там, где на первый план выходит взаимовлияние и взаимосвязи всего и вся, аналитика и гипотезирование отходят на задний план и заменяются насыщенным описанием отношений и обстоятельств (см. Бейли о промежутке между 1848 и 1860-ми годами: обратное влияние Сипайского восстания на Ирландию, мотивы агрессивной политики Франции в 1850-х годах).

IV. Опыт для примера: полиэтнические империи в эпоху однопациональных государств

Все полиэтнические европейские империи долгое время описывались в контексте их скорого и обязательного упадка. Однобокий взгляд на континентальные империи (Австро-Венгрия, Россия, Османская империя) в период Первой мировой войны усилил мнение, что модернизация в индустриальном обществе стирает различные религиозные, этнические, династические и региональные связи. На их место пришли такие структуры, как нация и однопациональное государство.

Однако после политических и культурных перемен с конца Холодной войны сфокусироваться на исторической структуре однопациональных государств становится довольно проблематично. В историографии после окончания противостояния политических блоков в 1989-1991 годах, наряду с темой однопациональных государств, возникает вопрос о типах полиэтнических империй, обусловленный «постколониальной теорией», а также поиском исторических корней сегодняшней глобализации и наднациональных режимов.

Какие выводы можно сделать, рассмотрев историю Европы в контексте империй?

Прежде всего, такой подход подчеркивает, что европейское слияние не было только результатом «модернизации», но подразумевало под собой сложные взаимоотношения между государствами и нациями, сообществами и колониями, континентальными и морскими державами. История Европы всегда находилась где-то между внутренними и внешними вопросами. Можно рассмотреть Ирландию или Алжир в периоде с девятнадцатого века, где колониальные и имперские проблемы были выражены особенно ярко. При этом ориентация на решение глобальных проблем, ставшая наследием девятнадцатого века, сильно повлияла и на развитие Европы в двадцатом веке: на Великобританию до вступления в ЕЭС в 1973 году, на Францию вплоть до 1960-х годов, на Испанию и Португалию вплоть до 1970-х годов.

Опыт империй также оказал немаловажное влияние на европейское общество:

- доступность колониальных товаров, глобальные цепочки производства и потребления,

- колонии как рынок дешевой рабочей силы (рабов) или поле для ведения войн с возможными последствиями для метрополий: см. Индия как страна «военной диктатуры» Великобритании, не имеющей на своей территории «регулярной армии», Алжир после 1830 года, влияние бурской войны и Ирландии после 1916 года – все это описывает периферийные военные действия, оказывавшие затем серьезное влияние на метрополии,

- эмиграция, репатриация, ссылка (см. Ирландию и Царство Польское в девятнадцатом веке),

- заключительный взгляд на особые отношения между полиэтническими империями и однопациональными государствами: однопациональные государства, становящиеся империями, или империи, превращающиеся в однопациональные государства?

(1) Встречающаяся в историописании империй неявная дихотомия между полиэтническими империями и однопациональными государствами уже не состоятельна. Она не принимает во внимание всего многообразия взаимодействий между полиэтническими империями и однопациональными государствами. С одной стороны, в империях была заметна склонность к порядкам и интеграционным процессам, принятым в однопациональных государствах (научный подход к социальному устройству, модели конституции и гражданству, финансирование инфраструктуры, армия и воинская повинность). Здесь сравнение переходит в исследование наднациональных процессов и феноменов взаимовлияния. Монархии играли роль наднациональных моделей управления, в то время как научные конгрессы и наднациональные финансовые рынки выступали как форумы. С другой стороны, однопациональные государства также перенимали черты империй, например экспансию за океан или легитимизацию власти и внутреннее развитие (см. работы о немецком «Наднациональном кайзеровском рейхе»; французские служащие в Эльзасе-Лотарингии получали такую же надбавку к жалованию, как и их коллеги за океаном). Существовали тенденции к размытию границ между однопациональными государствами, становящимися империями, и империями, превращающимися в однопациональные государства. Тем не менее исследователи, используя полиэтнические и полирелигиозные структуры наряду с накопленным опытом в области правовой и этнической гетерогенности, смогли сформировать критерии, отличающие империи от других государств.

(2) Дискуссии о моделях (не о действительности) однопационального государства с 1850-х годов были вызваны, прежде всего, кризисами и поражениями в военных действиях (1848-1850, 1855, 1859, 1866, 1905, 1912 и след.). На практике перенимание этих моделей полиэтническими государствами часто было ограничено гибкостью их правовой и управленческой системы, характерной для больших империй (см. Маурис Райнковски: «имперские порядки»). Желание интеграции империй, превращающихся в однопациональные государства, часто было вызвано просто защитной реакцией. Именно поэтому многие государства континентальной Европы были так подвержены кризисным явлениям после окончания девятнадцатого века.

(3) Сравнительный анализ конкретных сфер деятельности имперских политиков и институтов показывает, как имперские амбиции расходились с их реализацией. Реализация имперских планов на местах во многом расходилась с изначальными столичными планами. Многие планы работали даже против метрополии, например, ускорение внедрения моделей однопациональных государств в полиэтнические империи вызвало национализацию отдельных групп населения; реакцией на туркификацию младотурков в Османской империи стали национальные движения в Албании и Македонии. В восточной Европе ответом на русификацию стали национальные движения в Финляндии, Польше и Прибалтике. Некоторые действия «виртуальной монархии» в Индии также привели к началу национальных движений.

(4) Несмотря на то, что различия между метрополией и периферией были отличительной особенностью многих империй, это отношение нельзя рассматривать как простое противопоставление метрополии и периферии. Многие важные импульсы для развития метрополий исходили именно от периферии. Периферия также часто играла роль тестовой лаборатории империи. Необходимо также преодолеть закостеневший антагонизм между понятиями «колониальный» и «имперский». Действующие лица или институты тех эпох могут во многих случаях рассматриваться и как колониальные объекты, и как имперские субъекты. Ирландцы рассматривали себя как колонию Лондона и в то же время составляли значительную часть колониальных вооруженных сил Великобритании. Похожая ситуация была и с мадьярами в Венгрии, которые рассматривались как объекты империи, с точки зрения императорского и королевского правительства, и сами выступали как колонизаторы определенных румынских, критских и немецких групп населения.

(5) Приведенное здесь схематичное сравнение империй в долгом девятнадцатом веке не имеет цели их идеализации. Речь идет, скорее, о выделении комплекса структур и процессов, не укладывающегося в простые аналогии и допущения. Одна из точек зрения позволяет считать империи ядром открытой внешней политики Европы в долгом девятнадцатом веке.

V. История Европы и более: Шесть заключительных тезисов

Как же сегодня пишется история Европы Нового времени? В качестве ответа на этот вопрос можно сформулировать шесть тезисов.

(1) История Европы не является дополнением к истории отдельных государств, из которых можно индуктивно «вывести» историю некоей большей сущности. Историография Европы – это не синтез отдельных работ по истории европейских государств, которые вместе «показывают» историю Европы или даже Всемирную историю. История Европы – это результат рефлексивного, конструктивного и одновременно нестандартного подхода к истории. Такой подход исключает как широкомасштабный и поверхностный подход к истории, так и простой художественный пересказ событий. История Европы требует «избирательного интереса» (Трёлч).

(2) История Европы априори не ссылается на якобы объединяющие признаки европейских стран, то есть она не осуществляет идентификационной функции и не пытается дать историко-политические обоснования событий. Она должна отражать всю палитру и разнообразие исторического опыта, его противоречивость и конфликтность.

(3) История Европы признает социальные, политические, экономические и культурные закономерности развития сообществ и государств и не приводит их к некоему общему знаменателю. Ее цель – это интеграция этнологической предпосылки, необходимых знаний о «чужих культурах».

(4) История Европы базируется на сравнениях как на четком и методически структурированном своде закономерностей в контексте часто неявно выраженных историй взаимоотношений и процессов трансфера. Сравнения нескольких стран и долгосрочные перспективы соотносятся с проблемой статичности синхронных сравнений. История Европы должна концентрироваться на процессах трансфера и взаимовлияния не в контексте устаревших исследований, а в контексте взаимосвязей, изменений объектов трансфера в процессе трансфера и сознании локальных модификаций при интеграции.

(5) История Европы занимается, прежде всего, внутренними вопросами, то есть особыми путями развития европейского общества. Она направлена на изучение разнообразия и неодновременности как отличительных особенностей европейских исторических процессов. С этой точки зрения Европа является результатом комплексных и множественных процессов, которые не так быстро сводятся к одному понятию «Европа». С аналитической точки зрения история Европы – это связь синхронных и диахронных процессов: диахронного анализа длительных исторических процессов, которые невозможно ограничить одной определенной датой из истории Европы (1789, 1848 или 1914 годами) и синхронного анализа развития сообществ и их взаимовлияния. Речь идет о том, что можно назвать способностью к двусторонней интеграции во временных рамках – от раннего Нового времени до двадцатого века, в пространственных рамках – за пределами классического ареала Франция-Великобритания-Германия.

(6) Однако историография Европы долгого девятнадцатого века или Нового времени не должна ограничиваться только этим. История Европы сегодня не может больше быть европоцентричной, так как она находится в постоянном диалоге с Всемирной историей. Исходя из этой точки зрения, история Европы должна быть не только наднациональной, но и надкультурной.

© Леонхард Й., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонхард Йорн – доктор истории, профессор
Фрайбургского университета, Фрайбург, Германия.
E-mail: joern.leonhard@gmx.net

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Leonhard Jorn – doctor of history, Professor of the
University of Freiburg, Freiburg, Germany. E-mail:
joern.leonhard@gmx.net